

An illustration of a young man with dark, spiky hair, wearing a dark green hoodie, sitting at a desk and working on a laptop. The scene is set at night, with a window in the background showing a cityscape with lights. A desk lamp with a warm glow is positioned above the desk. To the left, there is a bookshelf filled with books. On the desk, there is a pen holder with several pens and a small potted plant. The overall atmosphere is quiet and focused.

Новое сообщение 1

Даниил Николаев

Даниил Николаев

Новое сообщение 1

<https://litres.ru/74066089>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главный герой - 16-летний подросток Артём из российского города-миллионника через два месяца закончит школу. Он популярен в компаниях и красив, однако у него не получается завести романтические отношения с реальными девушками из-за своей неуверенности в себе. В какой-то момент он находит неожиданную интересную собеседницу в необычном месте - на форуме в интернете.

Содержание

Глава 1 Утренняя тишина	4
Глава 2 Серые перемены	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Даниил Николаев

Новое сообщение 1

Глава 1 Утренняя тишина

Первое, что он замечает — свет.

Не тёплый, не приветливый. Холодный, ровный, без теней — такой бывает только в начале ноября, когда солнце поднимается лениво и без всякого желания, словно и само не вполне уверено, зачем. Он просачивается сквозь неплотно сдвинутые жалюзи тонкими полосами и ложится на стену поперёк плаката с картой мира, которую Артём повесил два года назад — в тот период, когда ему казалось, что достаточно иметь перед глазами все континенты сразу, чтобы куда-нибудь захотеть. С тех пор он ни разу на неё не смотрел.

Артём лежит на спине, не двигаясь. Руки вдоль тела, одеяло сползло на сторону, но он не поправляет. Потолок белый, с едва заметным пятном сырости у левого угла — оно появилось прошлой зимой, в один из тех дней, когда отец пришёл домой поздно и молча сел смотреть новости. Отец обещал заняться, но так и не занялся, и пятно с тех пор живёт своей тихой, неостановимой жизнью: чуть расширяется к морозам, бледнеет весной. Артём успел выучить его форму наизусть — немного похоже на берег острова, если смотреть

с прищуром, на какой-то остров без названия, которого нет ни на одной карте.

Подниматься не хочется. Не потому что устал — он спал достаточно, провалился в сон без сновидений, как в воду без дна. Просто нет причины, ради которой стоит делать это прямо сейчас, а не через пять минут, или через десять, или вообще никогда. День снаружи уже начался без него — он слышит это по отдалённому гулу двора, по чьим-то шагам на лестнице, по тому, как сквозняк чуть колышет штору у форточки, — и Артёму кажется, что день этот начался бы точно так же, даже если бы Артёма не существовало вовсе. Не хуже и не лучше. Просто так же.

Он давно заметил в себе эту странность — не тревогу, не страх, не что-то острое, что хотелось бы назвать и тем самым обезвредить. Просто тихое, почти физическое ощущение собственной ненужности, залегающее где-то под рёбрами — тягучее, как остывший воск. Будто он занимает место в пространстве из вежливости. Из уважения к тем, кто, возможно, ждёт от него чего-то — хотя он и не вполне понимает, чего именно, и не вполне уверен, что они сами понимают.

За стеной включается фен.

Артём знает этот звук так же хорошо, как знает скрип третьей ступеньки на лестнице, или то, как хлопает дверца шкафа в родительской спальне, когда её открывают слишком резко, или то, как отец кашляет по утрам — коротко, почти извиняющимся образом, будто стесняясь самого фак-

та своего присутствия в тишине. Утро в этой квартире всегда одинаковое — последовательность звуков, которая никогда не меняется, которую не нужно запоминать, потому что она давно вошла в тело само по себе, как дыхание. Сначала будильник матери в шесть сорок пять — резкий, деловой, без лишних колебаний. Потом душ: напор воды, приглушённый стеной. Потом фен — долго, методично, с тем особым упорством, с каким люди делают вещи, не думая о них. Как будто это тоже часть рабочего совещания, пункт в расписании между семью утра и выходом из дома. Отец встаёт позже, но собирается быстрее — у него давно отработан этот маршрут от кровати до порога, без лишних движений, без промедлений: звук застёгиваемых замков на сумке, шаги по коридору — чёткие, уверенные, как точки в конце предложения, — короткое «Марин, я выхожу», которое никогда не бывает вопросом.

Артём садится на кровати. Свет в комнате серый, рассеянный, без теней — такой свет ничего не выделяет и ничего не скрывает, он просто есть. Волосы у него со сна торчат вбок, он не смотрит в зеркало — нет смысла: зеркало скажет то, что он и так знает, и промолчит о том, о чём говорить не умеет. Натягивает свитер, который лежал на стуле со вчера, — шерсть чуть колется у запястий, — проводит рукой по лицу, как будто пытается собрать себя в более удобную форму.

В щель под дверь просачивается запах кофе — тёплый, почти домашний, почти обещающий что-то. «Почти» — это

слово, которое Артём давно мог бы сделать своим девизом или вычеркнуть вовсе. Запах кофе означает, что завтрак уже почти готов. Что мать уже на кухне. Что есть стул, на котором его ждёт тост, и кружка с чаем, налитая заранее, потому что так удобнее, а не потому что кто-то ждёт именно его — ждёт так, как ждут человека, а не просто следующий пункт утреннего распорядка.

Значит, надо идти.

Он встаёт. Делает два шага к двери. Берётся за ручку — металл холодный, как всегда по утрам, пока батареи не прогрели квартиру до конца. Думает мимолётно: вот сейчас он откроет дверь и войдёт в утро, которое уже началось без него и которому, в общем-то, всё равно.

Он идёт.

На кухне светло — лампа над столом горит, хотя за окном уже достаточно серого утреннего света, того плоского, безучастного света, который не обещает ни тепла, ни перемены. Мать стоит у плиты в домашнем халате, но строгое пальто уже висит на спинке стула — заранее, как всегда, чтобы не тратить время потом. Она помешивает что-то в кружке с видом человека, решающего задачу средней сложности: методично, без лишних движений, без взгляда в сторону.

— Доброе утро, — говорит она, не оборачиваясь.

— Утро, — отвечает Артём.

Отец уже сидит за столом — сумка стоит у его ног застёгнутой, готовой к выходу раньше, чем её хозяин. Он читает

что-то в телефоне, держа его под лёгким углом — не потому что прячет, просто давняя привычка тела, выработанная в каком-то другом контексте и перенесённая сюда без причины. Артём иногда думал об этом: сколько всего в людях осталось от обстоятельств, которых уже нет.

Он садится на своё место — второй стул слева, между окном и холодильником — так давно, что стул давно стал его, не по праву, а по инерции. Берёт тост из тарелки в центре стола. Тост холодный: мать сделала его пять, может быть, десять минут назад, и этот небольшой промежуток уже успел всё остудить.

Кружка с чаем стоит налитая, тоже заранее. Он берёт её и тут же замечает трещину — тонкую, едва видимую, идущую от ручки к середине, как высохшее русло реки на старой карте. Он видел её раньше, много раз, но сегодня отчего-то задерживается взглядом дольше обычного — не потому что произошло что-то новое, а потому что некоторые вещи вдруг перестают быть фоном и начинают означать. Трещина не сквозная, кружка не протекает. Кто-то когда-то ударил её о раковину — или уронил, поторопившись, — и она треснула, но осталась в обиходе. Никто не выбросил. Никто не заменил. Просто живёт дальше с трещиной, потому что всё ещё держит то, для чего предназначена, и этого, по всей видимости, достаточно.

— Контрольная сегодня? — спрашивает мать, садясь напротив и не глядя в его сторону — не намеренно, просто её

взгляд занят чем-то на столе, на своей кружке, в пространстве между ними.

— Нет. Завтра.

— По какому предмету?

— Математика.

Она кивает — коротко, как ставят галочку в списке, — и больше не спрашивает. Отец поднимает взгляд от телефона, смотрит на Артёма секунду: не изучающе, не тревожно, просто убеждается, что тот здесь, что утро идёт как надо, — и снова опускает глаза в экран. Артём замечает этот взгляд — и то, как быстро он заканчивается, — и ничего не чувствует по этому поводу. Или почти ничего. Разница между этими двумя вещами с каждым годом становится всё тоньше.

Он жуёт тост. Чай горьковатый, заварен крепко — мать всегда делает крепкий, и Артём всегда пьёт, не говоря ничего. Он так давно не говорил ей об этом, что уже не был уверен: хочет ли он послабее, или просто когда-то хотел, или это вообще было что-то другое — желание, чтобы она спросила, как он предпочитает.

За окном медленно едет мусоровоз, его жёлтый бок отсвечивает в тусклом стекле. Двор пустой, только дворник метёт у подъезда — размеренно, равнодушно, как маятник, которому не нужно знать, что он отмеряет.

— Домой в котором часу? — спрашивает отец, уже поднимаясь, уже наполовину не здесь.

— Как обычно. После шести.

— Хорошо.

Он надевает куртку прямо в кухне, не уходя в прихожую, подхватывает сумку. Мать пьёт кофе маленькими глотками, смотрит в телефон. Дверь открывается — и закрывается — без лишних слов. Он ушёл так, как уходит человек, который точно знает, что вернётся, и именно поэтому не прощается.

Артём держит кружку двумя руками. Трещина оказывается точно под большим пальцем — он проводит по ней подушечкой, ощущая едва заметную бороздку, почти незаметную, почти ничего. Внутри у него ровно и тихо, как в той комнате, откуда он только что вышел. Никакого раздражения, никакой обиды — и это само по себе было бы поводом задуматься, если бы думать об этом не было так привычно бессмысленно. Просто пустота — не острая, не злая, а такая, какой бывает воздух в нежилом помещении: он есть, им можно дышать, но в нём нет ничего, что говорило бы о чём-то присутствии, о чьей-то жизни, оставившей след.

Мать встаёт, ставит кружку в раковину — аккуратно, как всегда.

— Не забудь сдать деньги за экскурсию, — говорит она, уходя в коридор, уже думая о чём-то своём, о пальто, о ключах, о том дне, который начнётся для неё через двадцать минут. — Я положила в кармане твоей куртки.

— Ладно.

Звук её шагов по коридору. Тихий скрип шкафа. Потом дверь в прихожей — и ещё одна, входная, с характерным

щелчком замка, который Артём знал наизусть так же, как собственное имя.

Он остаётся один на кухне с недоеденным тостом и почти полной кружкой чая. Лампа над столом продолжает гореть, хотя утренний свет уже давно мог бы справиться без неё. Никто не выключил. Никто не заметил.

Он смотрит на трещину ещё раз — и она смотрит в ответ тем же, чем всегда: просто есть, просто держит, просто не протекает.

Потом встаёт и идёт одеваться.

Подъезд встречает его запахом влажного бетона и чужой еды — где-то наверху жарят лук, этот запах здесь всегда, в любое время суток, как будто кто-то из жильцов взял на себя обязанность поддерживать его неизменность. Артём застёгивает куртку на ходу, спускается по лестнице — лифт сломан третью неделю, объявление об этом всё ещё висит на двери криво, уголок отклеился и загнулся вниз, и никто так и не удосужился поправить его или хотя бы сорвать.

У двери подъезда — зеркало. Старое, в металлической раме, давно помутневшее: отражение в нём всегда немного размытое, контуры нечёткие, словно зеркало забыло, как именно должны выглядеть люди, и теперь воспроизводит лишь приблизительное их подобие. Артём останавливается на секунду.

Он смотрит на своё отражение так, как смотрят на незнакомца в транспорте — без особого интереса, просто потому

что взгляд зацепился и не нашёл причины двигаться дальше. Юноша в тёмной куртке, светлые глаза, аккуратные черты — всё на месте, всё правильно расположено. Привлекательный, скажет кто-то, и, вероятно, будет прав в той мере, в какой это слово вообще что-либо значит. Артём не думает об этом — он никогда не знал, что делать с тем, как он выглядит, так же, как не знал, что делать с отметками в дневнике или похвалой учителей: принимал, складывал куда-то внутрь и шёл дальше. Размытое отражение смотрит на него с той же безучастной точностью, с какой только что смотрела трещина на кружке. Просто есть. Просто держит форму.

Он толкает дверь плечом — она поддаётся с привычным усилием, чуть больше, чем нужно, — и выходит.

Город снаружи серый и деловитый, занятый собой так основательно, что постороннее присутствие в нём не предусмотрено. Утро идёт своим ходом: машины тянутся в пробке, выдыхая белёсый пар в холодный воздух, кто-то разговаривает по телефону на ходу — громко, с нажимом, словно хочет, чтобы его услышали по обе стороны города, — у продуктового магазина открывают ставни с металлическим лязгом, коротким и будничным, как фраза, сказанная не тому человеку. Всё это происходит параллельно Артёму, не задевая его, как река огибает камень — не из уважения, а просто потому что камень не умеет сопротивляться течению иначе. Он идёт по тротуару, засунув руки в карманы, плечи чуть сведены — не от холода, просто так удобно, так привычно,

так меньше места занимаешь в пространстве, которое тебя не ждало.

Ветер гонит по асфальту пожухлый лист — один, без компании. Он скребёт по бетону с тихим звуком, как будто ищет, за что зацепиться: за выбоину, за трещину, за что угодно, что удержит. Не находит.

Артём смотрит ему вслед дольше, чем следовало бы.

Потом отворачивается и идёт дальше — в школу, туда, где его ждут правильные ответы, нужные оценки и люди, которые думают, что знают его, потому что он всегда отвечает правильно и никогда не даёт повода думать иначе.

Глава 2 Серые перемены

Серые перемены Урок литературы идёт уже двадцать минут, а Артём всё ещё смотрит в одну точку — туда, где штукатурка на стене образует бледное пятно, похожее на карту несуществующего острова. Он успел изучить его достаточно хорошо: вот залив, вот мыс, вот внутреннее море без выхода в океан. Голос Надежды Сергеевны тянется ровно и монотонно, как нитка из клубка, который никто не держит: разматывается сам по себе, ложась на пол ненужными петлями.— Мельников. Что вы можете сказать о системе образов в романе? Артём поднимает взгляд. Пауза — ровно такая, чтобы не выглядеть застигнутым врасплох, но и не настолько долгая, чтобы дать кому-то повод беспокоиться. Он давно освоил эту дозировку.— Онегин — лишний человек в классическом смысле. Он не вписывается ни в один из предложенных ему контекстов. Надежда Сергеевна кивает, удовлетворённая ответом. Кто-то сзади вздыхает — не от восхищения, просто от усталости, от духоты, от того, что до конца урока ещё пятнадцать минут. Артём снова опускает взгляд в тетрадь, где последние десять минут рисует одно и то же — концентрические окружности, всё уже и уже к центру, к точке, которая уже не окружность, а просто точка, просто место, где карандаш остановился. Он думает об Онегине мимоходом, без намерения: человек, который умеет производить нужное впечатление.

чатление в нужный момент — и именно поэтому остаётся чужим везде. Не потому что груб или неприятен. Потому что между ним и всем остальным — слой чего-то прозрачного и непреодолимого. Артём не додумывает эту мысль до конца. Убирает её куда-то в сторону, как убирают в ящик стола бумагу, которую не хочется перечитывать. Он отвечает правильно. Он всегда отвечает правильно. Но слова выходят откуда-то из механической части его существа — той хорошо отлаженной, тихо работающей части, что помнит даты, цитаты и нужные термины, знает, какой голос уместен на уроке, а какой — в разговоре с директором, и никогда не путает одно с другим. Пока эта часть работает, настоящий он сидит чуть в стороне от всего этого и наблюдает с отстранённым любопытством человека, случайно попавшего на чужой спектакль. Наблюдает за собственными руками, записывающими конспект — аккуратно, без помарок, с полями ровно в два сантиметра. За своим голосом, произносящим нужное в нужный момент. За собственным лицом, которое, должно быть, выражает именно то, что от него ждут. Интерес. Сосредоточенность. Присутствие. Звенит звонок — резко, без предупреждения, как всегда, хотя он всегда в одно и то же время. Класс оживает, стулья скребут по линолеуму, голоса накладываются друг на друга. Артём складывает тетрадь. Встаёт. Идёт к двери вместе со всеми — и это «вместе» такое точное по форме и такое пустое по существу, что он некоторое время просто идёт и ни о чём не думает, по-

тому что думать не о чем, а притворяться, что есть о чём — сил не осталось. Его На большой перемене в коридоре становится тесно и громко — так громко, что шум теряет смысл, превращаясь в одну сплошную, нечленораздельную волну. Кто-то толкает Артёма плечом — не специально, просто не замечают, и это «не специально» как-то точнее всего остального описывает его существование здесь — и поток одноклассников несёт его к окну в конце коридора, как несёт щепку, не задумываясь о её присутствии.— Слушай, ты идёшь в субботу к Денису? — это Кирилл, с волосами, забранными в небрежный узел, и вечно расстёгнутой верхней пуговицей рубашки, с тем особым выражением человека, которому ответ не слишком важен, но спросить — вежливо.— Он говорит, будет нормально, не как в прошлый раз.— Не знаю, — отвечает Артём. Он говорит это не потому, что не знает, а потому, что «нет» потребовало бы объяснений, которых у него нет — по крайней мере, нет в той форме, которую здесь поняли бы. Кирилл уже смотрит куда-то поверх его головы, кому-то машет рукой — живой, стремительный жест, почти птичий.— Ну, подумай. Придёт весь класс. Он уходит, не дожидаясь ответа, растворяясь в коридорном гуле так легко, будто никакого разговора и не было. Может, и не было. Артём прислоняется к холодному подоконнику — стекло за спиной чуть вибрирует от уличного ветра — и смотрит, как в трёх метрах от него Соня рассказывает что-то смешное: судя по тому, как все хохочут, запрокидывая

головы, это что-то очень смешное, почти невыносимо смешное. Витя изображает кого-то в лицах, и у него хорошо получается — он всегда умел это, ещё с пятого класса. Катя держит стакан с кофе двумя руками, как что-то хрупкое и драгоценное, и смеётся громче всех, и в этом её смехе столько живого тепла, что Артём смотрит на неё дольше, чем следовало бы. Он видит всё это совершенно отчётливо — каждый жест, каждую мимолётную гримасу, каждое движение. Слышит каждое слово — смысл, интонацию, паузы между ними. Но между ним и этой сценой — будто стекло: прозрачное, без единой трещины, абсолютно непроницаемое, и чем дольше он смотрит, тем более очевидным делается его присутствие. Он мог бы подойти — ноги знают дорогу, три шага, не больше. Мог бы вставить реплику — у него даже есть подходящая, он чувствует её форму, её вес, — и они бы приняли её, засмеялись, кивнули, включили его в разговор с той необременительной готовностью, которая свойственна людям, не задумывающимся о том, что значит быть по-настоящему включённым. Но от этого стекло никуда не денется. Только станет заметнее — для него одного, потому что с той стороны его никто не видит. Артём берёт телефон и смотрит в пустой экран. — Ты читал «Над пропастью во ржи»? Ирина появляется рядом с ним неслышно — она всегда так, словно нарочно двигается тихо, чтобы не спугнуть, чтобы не нарушить что-то хрупкое, что, возможно, висит в воздухе вокруг него. Светлый хвост на затылке чуть растрё-

пан — торопилась, — клетчатая рубашка застёгнута не на ту пуговицу, потрёпанный учебник зажат под мышкой с такой силой, будто он единственное, за что можно держаться. Она смотрит на него чуть снизу вверх, и в её взгляде — та осторожная внимательность, почти осязаемая, почти болезненная, которую Артём давно научился замечать краем зрения и не знает, что с ней делать: принять, отвести, сделать вид, что не заметил.— Читал. В девятом классе.— И как тебе?— Нормально. Она ждёт. Артём знает, что она ждёт большего — она всегда ждёт большего, с тем терпением, которое одних трогает, а других утомляет, — но у него сейчас нет этого большего. Оно где-то глубоко, под слоем чего-то плотного и молчаливого, как осадок на дне стакана, который не поднимается, сколько ни перемешивай.— Мне интересно, — говорит Ирина осторожно, словно нащупывает почву с каждым словом, — что ты думаешь про Холдена. Он ведь, по сути, не хочет взрослеть. Ему страшно. Страшно оказаться таким же, как все остальные, — и при этом он уже такой же, только не видит этого.— Возможно.— А тебе не страшно? Артём смотрит на неё. Вопрос прямее, чем обычно, — в нём что-то лишнее, что-то личное, что выбивается из привычного рисунка их разговоров. Ирина тут же отводит взгляд, будто сама испугалась собственной смелости, будто произнесла вслух то, что следовало оставить при себе.— Я имею в виду в смысле будущего. Колледж, всё такое.— Нет, — говорит он. — Не страшно. Это неправда. Но правда устроена так, что её

не объяснишь в школьном коридоре за пять минут до звонка, среди чужих голосов и хлопанья дверей и запаха столовской еды, проникающего даже сюда. Правда требует слов, которых у Артёма нет — или которых он не решается произнести вслух, потому что не уверен, что их поймут правильно. Или вообще поймут. Или что он сам понимает их достаточно хорошо, чтобы доверить кому-то ещё. Ирина кивает, и в этом кивке — тихое разочарование, которое она прячет быстро и умело, с той аккуратностью человека, привыкшего убирать с лица всё лишнее прежде, чем его заметят. — Ладно. Увидимся после химии. Она уходит, и Артём смотрит ей вслед — секунду, не больше, дольше было бы уже слишком много. Что-то тянет его окликнуть её, сказать что-нибудь настоящее — не «нормально», не «возможно», а что-то, что соответствовало бы тому, как она смотрела на него: с той осторожной внимательностью, которую он не умеет ни принять, ни отвергнуть. Но звонок опережает его — резкий, равнодушный, — и коридор приходит в движение, и момент закрывается, как закрывается окно от сквозняка: сам по себе, без усилия, без возврата. После шестого урока Артём стоит у окна в рекреации и ждёт, пока схлынет поток. За стеклом — двор, обнесённый железной оградой, несколько голых тополей и асфальт, который уже час как покрывается снегом. Снег падает неторопливо, без ветра — почти медленно, словно кто-то намеренно замедлил его движение, чтобы продлить этот серый день ещё немного. Или чтобы дать Артёму время — хотя

для чего именно, он бы не смог сформулировать. Он смотрит, как снежинка ложится на стекло с внешней стороны и тает — сначала держит форму, шестиугольную, почти правильную, потом расплывается, теряет края и исчезает бесследно, оставив после себя только крошечную каплю, которая медленно сползает вниз по стеклу, как зачёркнутое слово. Он следит за ней до конца. Вокруг него торопятся, смеются, хлопают дверями. Чья-то сумка задевает его по плечу — «извини» бросают на ходу, уже отвернувшись, уже забыв. Артём не двигается. Он стоит так, как стоят предметы интерьера — устойчиво, не мешая, не требуя ничего. Он думает о том, как странно — быть здесь, среди всех этих людей, которые знают его по имени, знают его оценки, может быть, даже считают умным или интересным, — и при этом чувствовать себя абсолютно невидимым. Не так, как будто тебя не замечают. Хуже: как будто смотрят прямо сквозь тебя и видят стену. Видят то, что за тобой, а не тебя — и это, пожалуй, точнее всего описывает то, чем он является для большинства людей вокруг: промежутком между одним местом и другим, паузой между репликами, которую никто не расслышал. Снег продолжает падать. Артём достаёт телефон — не чтобы кому-то написать, просто чтобы держать в руках что-то твёрдое, что-то с весом и температурой, что-то настоящее в том простом смысле, в каком предметы бывают настоящими. Экран отражает его лицо: синие глаза, ровное выражение, никакой очевидной боли. Он выглядит как человек, у которого всё в по-

рядке. Он почти убеждает себя, что это правда, — но зеркало, даже такое несовершенное, не позволяет слишком долго верить в собственный покой. Он убирает телефон и идёт к выходу — мимо чужих разговоров, мимо смеха, мимо чьей-то жизни, которая кипит и плещется через край, разливается по полу коридора, не замечая его ног. Его жизнь — тише. Его жизнь — внутри, в том пространстве между рёбрами, куда не доходит ни свет, ни чужое слово, ни даже собственное желание что-то изменить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.